

Исторический рассказ о садзах

(предисловие и запись)

В 1864 году после окончания Кавказской войны, длившейся более 50 лет и принесшей много бед горским народам, садзы, разделив горькую судьбу убыхов, оставили землю, на которой проживали с древнейших времен, и полностью выселились в Османскую империю.

Кто такие были садзы? Где они проживали? Какова их этническая принадлежность?

Садзы, упоминаемые в древних источниках как саниги¹, жили приблизительно на территории между реками Бзыбь и Шахе, от побережья Черного моря до предгорий Кавказских гор.

Нет сомнений в том, что садзы по своему происхождению являлись абхазами, отличаясь от последних лишь некоторыми особенностями языка. Затрагивая этот вопрос Ш. Инал-ипа уверенно пишет: *«Они (садзы. – В. К.) представляли собой значительную часть в составе абхазской этнической общности со своими существенными языковыми и этнокультурными особенностями, вытекавшими из их промежуточного положения между остальными абхазоязычными группами, с одной стороны, убыхами и адыгами, с другой»*².

Известный языковед В. Чирикба, собравший ценный материал в общении с потомками махаджиров в Турции, считает язык садзов одним из диалектов абхазского языка³.

У садзов было родовое и фамильное разделение. К садзким родам относились: чу, цвижэ, ахчипсы, айбга, самахьхуа и др. Садзы подразделялись на приморских (жили на побережье и вплоть до возвышенностей) и горцы (жили в горах и отрогах).

¹ В грузинских источниках – джики, джигеты.

² Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995, стр. 9.

³ Чирикба В. А. Расселение абхазов в Турции М., 1995, стр. 262.

Хылцыс//хлыцс⁴ – так называли садзов – равнинных жителей; медовеевцами⁵ – тех, что жили в горах (ахчипсы и айбга). «По всей видимости, – отмечает В. Чирикба, – название «ахалцыс» топонимического происхождения и, согласно описаниям (турецких. – В. К.) садзов, относилось к узкой теснине, расширяющейся к морю на прежнем местожительстве садзов, где-то в районе Хоста-Гагра»⁶.

Садзов до выселения было не менее 12-16 тыс.⁷ Когда встал выбор – либо воевать, либо подчиниться, убыхи и садзы выбрали свободу и, вооружившись, встали насмерть против русских. Пролилось много крови. Но силы, увы, были неравными. Когда превосходящий силами противник приказал садзам переселяться на Кубанскую долину или выселиться в Турцию, садзы предпочли переселение за море, с надеждой когда-нибудь вернуться к своим заброшенным домам.

В ознаменование победы в Кавказской войне русская армия провела парад на земле садзов – Губаадъы, как называют ее абхазы. Это урочище ныне известно как Красная поляна.

В настоящее время садзы разбросаны по мусульманским странам. В основном, они живут в Турции⁸, и почти смешались с другими народами. Изучением истории и этнокультурного мира садзов занимались многие: военнослужащие, историки, этнографы, филологи: С. Т. Званба, Л. И. Люлье, А. В. Фадеев, Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова, Г. А. Дзидзариа, З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба и др.

В книге Ш. Инал-ипа «Садзы. Историко-этнографические очерки», вышедшей в 1995 году, автор весьма обширно осветил интересующую нас тему. Но, тем не менее, трудно с уверенностью говорить о том, что проблема садзов всесторонне изучена. Для того, чтобы делать далеко идущие выводы, наряду с научным изучением, необходимо продолжать собирание языковых, фольклорных материалов, в первую очередь, в Турции, где, где садзы живут компактно и еще сохраняют абхазский язык.

Предлагаемый мной ниже материал фольклорного характера немного дополнит, как мне представляется, наши знания об истории садзов. Запись сделана 12 августа 1997 года в Сухуме со слов учительницы – Евдокии Муратовны Тарба (род. в 1934 г.).

⁴ Не случайно писатель Д. Зантариа назвал свой рассказ о садзском князе Гечба Рашиде (его княжеский двор был за рекой Псоу, в местности, называемой сегодня «Веселое» на территории РФ) - «Князь халцысов».

⁵ Медовеевцы русских источников.

⁶ Там же: стр. 271-272.

⁷ Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС, вып. VIII, М., 1984, стр. 146.

⁸ Дзидзариа Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухум, 1995.

Как стало известно, бабушка информантки принадлежала к садзам. Она прожила долгую жизнь – умерла в возрасте 120-ти лет.

Рассказ освещает нам события, происходившие в Абхазии и Садзене в условиях общественно-политической ситуации, сложившейся сразу после завершения Кавказской войны. Здесь освещаются некоторые особенности общественно-политического устройства садзов, указаны главные садзские фамилии. Думаю, рассказ вносит ясность в понимании тождества абхазов и садзов, их языкового и культурного единства. Доказательством этому в какой-то степени служит приведенная садзская легенда о возникновении песни «Радеда». Она во многом перекликается с аналогичными абхазскими фольклорными материалами этой же тематики.

В нашей записи затрагивается ставшее роковым для абхазов Лыхненское вооруженное восстание 1866 года. Стоит отметить, что упоминаемые в рассказе события и известные нам из исторических документов сведения о них не расходятся, а, напротив, во многом схожи и даже дополняют друг друга⁹. Читателя, конечно же, заинтересует и описание тяжелой участи выселенцев под чужим небом.

Что касается исторических лиц, затронутых в рассказе (владелец князь Абхазии Михаил Чачба, его сын Георгий Чачба, дворяне Кац Маан, Тада Лакрба), то их имена и деятельность известны истории и не требуют дополнительных разъяснений.

* * *

Бабушка моя была садзской девушкой. По ее словам, садзы были жестокими, в них было мало человечности. Абхазы по это сторону называли их «асадзуажь» (т.е. «поганый садз»). Мы, садзы, не имели ни царя, ни государя, не были ни у кого в подчинении, только выбирали предводителя и все, сказала (она). Постепенно эти предводители стали властвовать над нами. Предводитель внушал и доказывал свое превосходство своему окружению, и оно стало служить ему. К садзским фамилиям она относилась: Чрыг, Ацан, Геч, Амаршан, Аранд (отметила их как лидеров), Ахба, Цвымцба, Багба, Ецвкыс (часть из них на Севере, другая часть – фамилия Отырба, еще часть – фамилия Еныкь).

... Хамыты были убыхами. Бабушка называла их аубла, а говорила аупых. Аубла – это фамилия, говорила она. «Что ты смеешься, будто женился на девушке

⁹ Чачхалиа Д. К. Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии. О Черкессии // в кн. Э. Мартель Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. М., 2002, стр. 158.

Аубла?» – частенько повторяла она. Говорила, что девушки из фамилии Аубла становились хорошими женами.

Маан Кац был одним из предводителей. Он жил по эту сторону Бзыби.

Отца моей бабушки звали Къагуса, его отца звали Лыбад. Мой отец имел много добра – сказала *(бабушка)* – разводил стадо в тысячу голов, а сотню отпускал в лес *(признак богатства и добродетельства)*. Когда Кац Маан родился, сказала, люди стояли в очереди, чтобы взять его на воспитание. Но когда все разузнали, – оказывается, князья и дворяне просили позволения воспитать ребенка еще до его рождения, – когда отец его все узнал, то выбрал моего деда. Взяли и воспитали Каца. Стрельбе, охоте, мастерству верховой езде – всему научили.

Князья-дворяне были не глупыми, сказала: воспитай их сына избалованным, станет он в жизни слабым и непригодным. Поэтому своих детей они отдавали воспитывать крестьянам. Отец мой и фасолью кормил Каца, и заставлял его босиком ходить... – выносливым, крепким надобно воспитывать, оттого и доверяли детей крестьянам.

У Каца было трое сыновей: Маан Камлат, Маан Титу, другого забыла, как звали. Мои братья были у них стремянными, сопровождали их везде.

Нам, садзам, пришлось выселиться раньше всех, сказала *(бабушка)*. Когда сыновья Каца стали выселяться (Кац Маан по происхождению был садзом, но потом он переселился сюда в Хуап), я попала к вам, тарбовцам, в дом, сказала, и здесь меня застало выселение (махаджирство). Отец и мать мои к тому времени уже умерли, двое братьев – Басиат и Қды – ушли вместе с маановцами в махаджирство. Я горевала, что отчий дом останется брошенным, сказала *(бабушка)*. Братья ее там остались, двоюродные братья (по отцу) вернулись и поддерживали домашний очаг.

Вот что говорила бабушка о садзах.

... Она сказала, что была тогда еще девушкой. В Гагре была узкая дорога, и мы стояли, заняв ее. По ее словам, братья ее тоже воевали против русских.

Когда я спросила: «Бабушка, вы по своей воле выселились?» – она ответила: «Нет, нан, мы воевали с русскими».

Она знала и ахчипсуйцев и медовеевцев. (Да и сами садзы делились на роды).

Она сказала, русские не знали, как проникнуть в Абхазию. На землю садзов пробраться было очень трудно, не было дороги. Стоило приблизиться со стороны моря, они убивали выстрелами из укрытий. Потом, неожиданно для садзов, враги стали приходить по ущелью. Это сделали садзы – предали своих, не думая о

последствиях. Через них ли, или через ашуа (абазин) – но предательство случилось: врагу была показана дорога.

Она сказала, было столько крови, что можно было плавать. Садзы, все до единого, выселились за море, не оставив даже горевестника. Другого выхода у них не было, они воевали, пока хватало сил, но большая Абхазия не встала на помощь, ведь садзы не подчинялись абхазскому лидеру. Она сказала, владельца Абхазии часто сопровождала русская армия. А садзы и убыхи объединились и воевали против русских.

Во время выселения – сказала она – среди нас были глашатаи (агитаторы). Братья мои ушли вместе с сыновьями Маан Каца, и они говорили, что русские придут и убьют нас. Я была молодой невесткой – не прошло и трех месяцев, как меня привели. Родные-близкие, мы все оставили дома, и вышли к берегу...

Там, куда нас принесло¹⁰ было пустынно, вода болотистая, и в ней были лягушки. Когда жажда стала нестерпимой, что нам оставалось делать – мы пили эту воду, - сказала она.

Моя бабушка очень любила фрукты. У одной турецкой женщины во дворе шелковица стоит, ветки свисают под тяжестью плодов. Мне их захотелось, говорит. Я для тебя сотку, спряду, если дашь мне горсть ягод шелковицы, сказала ей (*бабушка*). Она дала согласие только на одну ветку, но я быстренько потрусилась и другую, – бабушка была очень проворной. Она ругалась, конечно, но все обошлось, и я принесла еще горсть для свекрови, говорит.

... Мы были в большой беде со свекровью. В Турции я забеременела. Твой дедушка был попом, имел образование, воспитывался избалованным. Он не знал, что такое трудиться. Брат моего свекра был женат, но детей у них не было. У жены его был пасынок. Вся надежда была на моего деда. Брат свекра каждый день шел помогать рыбакам. Вечерами он возвращался с буханкой хлеба.

Мы жили в большой казарме, говорит. Простынями смастерили перегородки. Жили вместе два рода: Лакрба и Тарба, пришедшие из села Дурипш.

Как-то вечером смотрю, брат свекра принес большую булку хлеба, но нам не оставил. Твой дедушка тоже там лежит, говорит, книгу читает. Вдруг пришел кто-то из наших родственников. «Вы не кушаете?» – спрашивает. «Что же нам кушать?! Хлеба нет», говорю. «Ай, похоронить бы тебя заживо, Гун-пха (это была свекровь моей бабушки), почему мы должны воспитывать сына Бармышаа, скажи брату свекра, что вам не дали хлеба!» – сказала она, говорит.

¹⁰ В Турции.

Свекровь моей бабушки подошла, смущаясь, к его жене:

- Дадите нам что-нибудь сегодня, – говорит.

- Если муж мой не сможет пойти на ловлю рыбы и не принесет хлеба, чем я сына накормлю? – отвечает.

Она бережет на завтрашний день, а мы сидим голодные. Потом эта женщина сказала пришедшему. Он взял у них хлеб и дал нам. С тех пор, когда он приходил с хлебом домой, большую часть отдавал нам, а остальное им относил.

Правда, мой дед однажды совершил грех. Это было еще при мне. В нашем роду Атар (*Тарба*) содержали рабов (не знаю, откуда они взялись). Как-то ночью, говорит, они встали и пришли тайком к одному дворянину. Потом брат ее свекра, или еще кто – она этого не помнит, но говорит – пошел за ними. А там он (дворянин) заплатил за них, целого осла нагрузил богатствами, а сверху еще и парня посадил. Парень уже крепкий был, пришел вместе с ним. Остальные рабы остались там, куда пришли в гости, раньше так было. Этого парня, говорит, раба надо было женить, когда ему исполнится 30 лет. Привела она ему жену, отдав за нее дойную корову. (Так свекровь моя рассказывала, говорит.) Вначале она жалела ее, молодая еще, говорит, невеста (оказывается, она должна была по утрам готовить и приносить ей завтрак), и жила она вместе с ними в их доме. Подожду еще два-три дня, думала моя свекровь – свекровь моей бабушки, бабушка отца; а через три дня царство разделили, говорит. И нам пришлось ее отпустить, говорит. Она перестала нам служить. И пропала даром моя корова, сказала она. Потом дали ему землю, и стал он жить там. (Жил он рядом с ними.)

Когда мы двинулись в Турцию, говорит (твой дед так и умер, будто с гвоздем в сердце, переживая об этом) там рабство было – людей можно было продавать. У свекрови моей бабушки были рабы по фамилии Гуатаса, и еще были Квацаа. Когда мой дед остался без работы (говорят, он был нетрудолюбивым, хилым), таким и был, наверное.

У той, за которую корову отдали, родились сын и дочь. Дед мой продал, оказывается, ее дочь там, в Турции, когда невоготу стало себя содержать. Ее брат был маленький, он вернулся сюда, в Абхазию. Верить ли, он приходил к нам домой!

Вот такое сделал твой дед, он очень переживал, говорит.

Однажды пришел домой Гыджь – брат проданной девушки. Завел разговор о том, как он потерял сестру в Турции... Мне стало очень жаль...

Когда абхазы восстали в 1866 году, я тоже была в Лыхнаште, еще не замужняя тогда, сказала бабушка. (По ее словам, там был и Маан Кац. Он был за русских, они дали ему генеральство, а потом он встал против них, говорит). И я пришла вслед за девушками, вместе с которыми был воспитан мой отец, говорит. Собралась вся Абхазия (со всех концов), говорит. Среди них не было садзов, она сказала, что прошло около года, как они ушли в махаджирство (выселились).

Сыновья Маан Каца ушли в Турцию, но он еще оставался, его дочери были здесь. Дочь его была замужем за Лакыр Мырзакана. Он рос, воспитывался вместе с его бабушкой, любили они друг друга.

Три дня и три ночи оставались собравшиеся абхазы, они выступали и говорили, говорили. Потом вышел этот русский и начал говорить. Был переводчик, он начал переводить. Не знаю, переводчик хотел спровоцировать или нет – он был Тырджьман-ипа, жил рядом с владельцем, – говорит, он так сказал и переводит: «Абхазские женщины не должны одевать штаны». В Турции ведь носили шаровары, видимо, он это имел в виду. Как только он это сказал, был один сын Какучала, он крикнул: «Ах ты, осквернивший своих живых и мертвых, русский государь, ставший государем за кусок мыла!.. Есть ли здесь рожденный женщиной, стреляй!..» – и первым открыл стрельбу. А потом все стали стрелять.

Георгию Чачба было 18 лет, его тогда владельцем выбрали. Отец его Ахмытбеи (Михаил) к тому времени уже умер. Принял ли он власть или нет, об этом она ничего не знает. Георгий выступил перед народом. Говорил он, но кто его слышал? «Не делайте, вы истребите наши корни!..» – кричал он.

«Ты на стороне русских!» – сказали ему и двинулись на него. А тут и русские стали на него нападать. В Дурипше был такой Лакыр Тада (бабушка говорила, что он привел их обратно из Турции), он быстро подобрался сзади к Георгию и тропинкой увел его в Дурипш. Три дня, три ночи там его укрывали. Русские искали его.

Во всем этом виноват (атырджьман) переводчик, говорит.

Когда мы выселились, то увидели, что там ничего хорошего нет. Сидели под казармой. Мы привыкли к чистой воде, а тут и без воды нормальной и без еды, стали болеть животы, и люди умирали. У меня родилась девочка, говорит. У рабов свекрови моей бабушки тоже ребенок родился, они взяли воспитывать и моего.

Потом Лакыр Тада договорился с рыбаками, говорит, и дали им работу. Пошли они работать, собирали деньги, – день ото дня он посылал на родину то одну семью, то другую. Возвращаясь в Абхазию (днем нас не пускали, только ночью можно было),

мы заселялись в свои заброшенные дома. Так переправив всех до единого несчастных из Дурипша, он и сам вернулся.

Но плохой конец ожидал того, кто сделал столько хорошего: один из его внуков был репрессирован в 1937 году, а другой погиб, находясь на службе в армии.

* * *

Мы принадлежали к садзам, которые жили на равнине, сказала бабушка. Когда я застала бабушку, ей было 120 лет.

Когда мы просили ее: «Бабушка, потанцуй, как раньше вы танцевали», – она начинала танцевать. Видел, как сейчас в Турции танцуют абхазы – руки она отводила назад, и говорила «я – ястреб, ястреб».

Садзы при разговоре вставляли что-то, типа «кака-фака» или «нака-фака». Если делали что-то ужасное, вставляли «дына». Моя бабушка тоже говорила кое-что непонятное, употребляя это слово.

Бабушка пела песню «Радеда». И рассказала, откуда произошла песня, она возникла у садзов, говорит...

*«Уаа хурендзе-е фе-ерендзероу,
Уа, эта невеста – счастливая невеста,
Чтобы принесла счастье, тому, для кого ее везут...»*

Вот, что мы пели, говорит. При мне возникла «Радеда» - говорила бабушка. Рада и Дада, девушка и юноша, любили друг друга. Юноша пошел на войну и погиб там. Девушка была обручена, уже и день свадьбы был назначен. Когда ей сказали о случившемся, Рада вышла встречать приносивших тело ее мужа. Подошла она к нему и увидела, что его ранили спереди. А у нее, оказывается, был яд, тут же она с собой и покончила. Он воевал по эту сторону реки Бзыбь, река взбушевалась, и их не могли переправить. Когда мать Рады услышала о случившемся, стала кричать: «Диида, Рада диида!..» Все, кто слышал, подхватили «Рада-диида».

Так «Радеда» возникла вначале, как плач по Раде, сказала.

«Уазбакь – герой, которого Кац побороть не смог», говорила бабушка. Уазбакь был из садзов. Кац был настолько строг, что мы все его боялись. Мать меня пугала: «Кац идет». Кац Маан ходил, обернув свою голову чалмой. Сначала русские дали ему

генерала, но потом он перешел к туркам. Узбакъ был из крестьян, а Кац всех держал под каблуком. Но Узбакъ не подчинялся ему, не делал того, что он приказывал. Узбакъу при жизни сложили песню.

Горцы танцевали лучше всех, сказала бабушка. Ахчипсы очень хорошо танцевали. Мы, равнинные жители, обрабатывали землю, а им у подножий гор негде было выращивать зерно, они занимались скотоводством; с утра до вечера им было скучно сторожить коз, вот они и репетировали – начинали танцевать. Нам было не до танцев, выращивали хлопок, ткали, говорит. И сказала еще, что псхувцы танцевали лучше всех.

Перевод с абхазского Алины Жиба